

ПУСТЫННЫЙ ВЕЧЕР

Я подметаю дым, я подметаю пепел...
Что не сбылось – растопчут, да разбросает ветер.

Так покатались дни под горизонт колючий...
И – только ветер дует на пустыре, могучий.

БЕСЕДА НА КРЫШЕ

«Куда глядишь, что видишь?»

«Я не знаю».

«Ну как не знаешь?»

«Просто, ничего.

Печальный бес на дудочке играет
и в такт беззвучно топает ногой».

«А что ещё?»

«Какие-то постройки,
деревья, россыпи светящихся окон,
на равнозначном расстоянии помойки,
обломки радости повсюду, испокон...

Холодный ветер – о незыблемые стены,
ломает шифер, сотрясая этажи,
и в этом мысленном пространстве безразмерном
«Добро пожаловать!» над выходом дрожит».

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Гул больших городов сквозь разрозненный сон,
отдалённый (здесь сухо) раскатистый гром

электрический, звуком похожий на плеть...

Так – в окошко, открытое настежь, глядеть

и дымить, выпуская дымок в темноту...

Пусть, подхваченный ветром, летит за версту.

ЗА ГРАНЬЮ РАЗУМА

Так поплывём по высохшему морю,
по городу пойдём в другие степи...
Над городами каменное солнце,
и пыль столбом.

...Полетим мимо водозаборной башни
за край Земли,
под дождём чьи-то пустые пашни,
уже вдали.

На горе будка стоит, склонившись,
оттуда вид
над Землёй – круче полёта мысли,
но мысль спит.

БУДНИЧНЫЙ ВЕЧЕР

Не тонущий в холодной воде,
немного замирающий звук,
присутствующий здесь-и-нигде,
гуляющий спокойно вокруг,

заканчивает вечером труд
несложный, угасают огни,
вдоль берега небыстро идут
бесславно завершённые дни:

случайные предметы в руке,
мерцающее пламя в груди,
и звёздочка, совсем вдалеке,
и голая земля впереди.

* * *

Греет в сумерках жаркая кровь,
по земле, чуть пригнувшийся, – ветер...
Не хватает на всё это слов:
так, в классически меркнушем свете

всё пройдёт безучастным дождём –
уходя, подойдёт прямо к сердцу...
Всё прошло, а мы всё ещё ждём,
друг об друга пытаясь согреться.

ОСТАТОК МАЯ

Ветер гудит по трубам, гуляет по чужим городам,
в сумерках сильно смущает реки, сбивает с крыш флаги,
носит бумажный рубль по улице, пустынной с утра,
вечную пыль остановок, чеки, обрывки бумаги...

ПО НАКЛОННОЙ

Оступился на льду сумасшедший апрель,
обещавший «...любить, только нечего», –
так теряют невзрачную странную цель,
так рассеянны пасмурным вечером,

и – по рельсам скользят сквозь расколотый лёд
(застилает вода поле зрения)
под грохочущий стук, это поезд идёт,
транспонируя силу горения.

* * *

Не погулять – но всякий раз по делу
в холодной плоскости ползущий самолёт...
Горит фонарь, окно заледенело,
вчера был дождь и мокрый снег, а завтра – лёд.

Конец эпохи: под наклонным небом
дома идут по склону, мёртвые внутри...
По стыкам фраз, где здравый смысл и не был,
идут мои, судьбой отпущенные, дни.

ТРАМВАЙ

Не прекращается гроза,
ненужный транспорт провожу,
куда – не знаю, не скажу,
со скрипом жмёт на тормоза –

меняет численность людей,
тасуя ждущих вне/внутри,
фонарь обыденно горит
и отражается в воде.

ПУТЬ ВОКРУГ

Пусть годом позже, годом ранее, не всё ль равно? –
открыто: мартовские сумерки толпой – в окно,
топча абстрактные кораблики и плотный снег,
в пути минуя изумление холодных рек, –

туда, где выше остывающий, иной зенит,
бубенчик на простой верёвочке звенит, звенит,
и счастье краткое, непрочное куют, куют,
уходит след в холодном сумраке, искать приют.

СОБАКА

– *Учитель, обладает ли собака природой Будды?*
– *Не знаю, спроси у собаки.*

Притча

Буду человеком, а не собакой.
Буду стучаться в окна и дверь под утро.
Буду появляться из полумрака
и отвечать на реплики трезво, мудро.

В преданности буду Сидеть! сурово,
Рядом! бежать, я знаю: не нужно столько.
Люди подходят, вновь произносят слово.
Я хочу быть собакой, глядеть из окон.

БУДНИЧНАЯ ПОВИННОСТЬ

Обрывки речи горячий ветер уносит скоро,
и обречена гудеть расслабленная струна
трамвайных кресел, всю жизнь гремящих в своём миноре,
почти не способных греть, и холодно у окна.

НАКЛОННЫЙ КРАЙ

1
Высокое небо стоит и не дышит,
едва замерев в ожидании чуда...
Глухую печаль уронили на крышу,
она покатилась на землю оттуда.

Холодный фонарь-постовой безучастен,
закончится лето, внезапно и странно
придёт, улыбаясь, бесстрашное счастье
и в дверь позвонит непростительно рано.

2

Осенний ветер сорвётся с места,
огни погаснут на берегу –
черёд падения звёзд окрестных
чертить над миром за край дугу.

Вода проглотит безгласный вечер,
с щелчком захлопнет над ним фольгу –
не слыша грохот, поедет встречный
товарный поезд – тонуть в снегу.

3

Праздных обломков гряда,
россыпь осколков Солнца...
Свет – будто не отсюда,
звёзды со дна колодца.

Вечер неслышно меркнет,
ветер качает двери...
Стынувший свет не сверху,
время считать потери.

Прежнее неизречимо,
да и не надо это...
Лето проходит мимо,
топчет осколки света.

4

Спрошу у ветра, а ветру всё равно,
холодный воздух в моей руке...
Стемнело, рельсы уходят в стороны,
и – восклицание вдалеке.

Теряем краски – попытка вечера –
и закрываем чуть слышно дверь...
Мы без опаски, немного вечные,
стоим у края Земли теперь.

5

Глядеть на медленное солнце,
на стену, тихую, дождя...
Весна, конечно же, вернётся –
опять же, мимо проходя.

Потопчет уличный гербарий,
ища разумные пути...
В окошке музыка играет,
и шарик по ветру летит.

6

Летит осенний бледный лист
неслышно в злую темноту...
Погасший, ночью на посту
фонарь невидимый стоит,

и замечает первый снег
дорогу из небытия...
Столбы тихонечко стоят,
приходит следующий век,

твердеет гладь холодных вод,
ложится иней на стекло...
Несётся ветер под уклон,
к стене подходит, утра ждёт,

я снова делаю свой шаг,
опять куда-то в пустоту...
Веду наивную мечту,
куда – не знаю, всё не так,

лишь знаю – надобно быстрей
по лабиринту голых стен...
Мерцает утренняя тень
у плотно запертых дверей.